

Ирен Софи

**ГОСПОЖА ПОНЕВОЛЕ.
В ОБЪЯТИЯХ ЭЛЬФОВ**

УДК 7.04
ББК 85
С68

Софи И.

С68 Госпожа поневоле. В объятиях эльфов / Ирен Софи – М.: Литнет, 2026. – 222 с.

ISBN 978-5-521-99651-3

Я очнулась в мире, где правят женщины, а эльфы - прекрасные, золотоволосые, с фиолетовыми глазами - стали рабами. Их покупают, используют для утех. Меня назвали Призванной Мастерницей. Я не просила об этом. Я просто хотела выжить. Три года я привыкала к жестокости этого мира. И должна была принять его правила, а значит приобрести рабов. Теперь у меня их двое. А магия, которая течет между нами, становится сильнее с каждым днем. Говорят, я могу освободить их? Но цена... цена может оказаться выше, чем я готова заплатить.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99651-3

© Литнет, 2026
© И. Софи, 2026

Глава 1

Лидия

Я помню этот день так отчетливо, будто это было вчера, хотя с тех пор прошло уже три года, и за эти три года я успела похоронить старую себя, родиться заново и снова похоронить, потому что в этом мире иначе нельзя. Правила здесь простые: или ты ешь, или едят тебя, и жалость – роскошь, которую могут позволить себе только те, у кого есть армия слуг и магическая защита, а у меня не было ни того, ни другого, пока я не пришла сюда, в этот проклятый зал.

Аукцион «Золотой Грифон» находился в самом сердце столицы, напротив императорского дворца, и это соседство было символическим – власть и торговля всегда шли рука об руку, и чем ближе ты к трону, тем дороже твои грехи, и тем дороже твои игрушки. Здание было старым, и в его архитектуре чувствовалась та плавная, текучая грация, которую люди так и не научились копировать, сколько ни старались, – высокие стрельчатые арки, витражи с изображениями сцен из эльфийской истории, и под этими витражами, под этими прекрасными изображениями их предков, эльфов продавали с молотка, и никто не видел в этом иронии, кроме меня, чужой, пришедшей, той, кто еще не научилась смотреть на чужую боль со спокойным лицом, хотя за три года должна была бы научиться.

Я сидела в первом ряду, потому что первый ряд здесь означал не только деньги, но и статус, а статус мне был нужен, если я хотела выжить в этом городе, где каждый смотрит на тебя и оценивает – сколько у тебя золота, сколько связей, сколько силы, и если хотя бы один из этих параметров ниже определенного уровня, тебя сожрут и не подавятся. Платье, которое я купила специально для этого случая, стоило бешеных денег, темно-синий бархат с серебряным шитьем, глубокий вырез, открывающий ложбинку между грудями, потому что здесь женская грудь – тоже оружие,

и если у тебя она есть, глупо не использовать это как преимущество. Рыжие волосы я собрала в высокую прическу, открывая шею, и сидела прямо, как палку проглотила, потому что сутулость здесь читалась как слабость, а слабых убивают, и не обязательно в переносном смысле.

Передо мной на возвышении стоял распорядитель – толстый, лоснящийся эльф, с маленькими глазками и утиными губами, которыми он улыбался так часто, что казалось, сейчас улыбка сожрет все его лицо. Он выкрикивал лоты один за другим, и я наблюдала, как эльфов выводили на свет, как их осматривали, как покупательницы поднимали таблички, как эльфов уводили, и внутри у меня все переворачивалось, но лицо оставалось спокойным, потому что за три года я научилась носить маску так же хорошо, как эти бархатные перчатки, скрывающие мои руки.

Потому что здесь, в Эйрионе, все было устроено иначе, чем в моем мире. Но здесь правили женщины. Высшая власть, магия, наследование, контроль над ресурсами – все это принадлежало женщинам. Магия передавалась по женской линии, и чем сильнее была женщина, тем больше эльфов она могла себе позволить. Потому что эльфы здесь были только мужчинами, и предназначены они были только для одного – для ублажения своих хозяек.

Я помню, как узнала об этом в первый месяц после попадания. Моя наставница, пожилая леди с жесткими глазами и мягкими руками, объясняла мне правила этого мира, и когда дошла до эльфов, я подумала, что ослышалась.

– Эльфы, дорогая, – говорила она, поправляя кружевные манжеты, – это наше главное сокровище и наше главное проклятие. Они прекрасны, они практически бессмертны, они магически одарены. И они созданы для того, чтобы служить нам. Их магия питается от нашей силы, а наша сила питается от их близости. Чем чаще ты пользуешься эльфом, чем глубже твоя связь с ним, тем сильнее становишься ты сама. Это круг, который нельзя разорвать. Поэто-

му каждая уважающая себя женщина имеет хотя бы одного эльфа в доме. Для защиты, для магии, для постели. А если у тебя их несколько... – она улыбнулась понимающей улыбкой, – ты можешь стать очень, очень могущественной.

Я тогда подумала, что это бред. Секс как источник силы? Использование живых существ как батареек? Но за три года я убедилась, что это правда. Я видела, как женщины, окруженные эльфами, расцветали, их магия была ключом, их глаза горели. Я видела и обратную сторону – эльфов, которые угасали, если хозяйка была слаба или жестока, эльфов, которых передаривали, продавали, меняли как перчатки, потому что надоели или потому что нашлись более сильные варианты.

И я поклялась себе, что никогда не стану частью этого. Никогда не буду покупать живое существо для собственного удовольствия. Никогда не буду использовать чужое тело как инструмент. Это было три года назад. До сегодняшнего дня.

– Лот сорок один, эльф из рода Горных Вершин, обучен музыке, танцам, искусству убаживания, идеален для дома или личного пользования, начальная цена – триста монет!

Вывели парня. Золотые волосы, фиолетовые глаза, тонкая талия, широкие плечи, узкие бедра – идеальные пропорции, выведенные годами селекции, потому что эльфов разводили как породистых собак, отбирая лучших, красивых, послушных, сильных. Он смотрел в пол и не поднимал глаз, и я видела, как дрожат его руки, как он сжимает пальцы в кулаки, как пытается держаться прямо, потому что здесь, на аукционе, нельзя показывать слабость – если ты покажешь слабость, цена упадет, и тебя купит какая-нибудь мелкая сошка, у которой денег хватило только на бракованный товар.

Его купила дама в лиловом, в вуали, закрывавшей пол лица, что сидела справа от меня, молодая, красивая, с хищным разрезом глаз и пальцами, унизанными кольцами. Когда она подняла табличку, эльф поднял голову и посмотрел на нее, и в этом взгляде

я увидела все – страх, надежду, обреченность, принятие. Он знал, что его ждет. Он знал и готовился. И от этого знания у меня свело желудок.

Потом были лот сорок три, сорок пять, сорок восемь. Эльфы-воины со сломанными душами, эльфы-ремесленники с тонкими пальцами, эльфы-юноши, которых продавали парами, потому что некоторые женщины предпочитали разнообразие сразу, не утруждая себя притиркой характеров. Я смотрела и считала про себя, сколько у меня денег, сколько я готова потратить, и зачем я вообще сюда пришла, если каждый лот разрывает мне сердце, а я сижу и молчу, потому что не могу купить всех.

Но следующий лот был сорок девятый. И когда объявили его, я забыла, как дышать.

– Лот сорок девять, – голос распорядителя взлетел до фальцета, потому что этот лот был особенным, и все в зале это знали. – Последний из рода Серебряных Ив. Настоящий дикий эльф. Непокорный, сильный, магически одаренный... хотя последнее мы надежно заблокировали. Осторожность, госпожи, этот экземпляр опасен. Убил троих предыдущих хозяек. Но если вам нужен воин, если вам нужен страж, если вы хотите похвастаться перед подругами тем, что можете позволить себе такую роскошь – держать у себя дикого зверя на цепи – то этот лот для вас.

Решетка поднялась. И я увидела его. Я видела много красивых мужчин в своей жизни. Я видела моделей на подиумах, актеров на экранах, любовников в своей постели, которые были хороши собой ровно настолько, чтобы я захотела провести с ними ночь, но не настолько, чтобы запомнить их лица наутро. Я видела эльфов в этом мире – золотоволосых, фиолетовоглазых, прекрасных, как боги, и сломанных, как куклы. Но такого, как он, я не видела никогда.

Он был высок. Очень высок. Даже со сцены, даже стоя в цепях, сгорбившись под тяжестью железа, он возвышался над стражниками, которые его вывели, и над распорядителем, который подскочил

к нему, чтобы продемонстрировать товар. Широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги, обтянутые грязными штанами, в которых угадывалась сила и мощь. Грудь – голая, вся в шрамах, старых и свежих, пересекающих кожу, и на шее ошейник – с печатью подчинения, которая пульсировала тусклым светом, сдерживая его магию, сдерживая его силу, сдерживая то, что делало его эльфом.

Волосы. Длинные, спутанные, грязные, они падали на плечи, закрывали часть лица, и даже в этом состоянии, они были прекрасны, потому что принадлежали ему, и в них чувствовалась та дикая, непокоренная красота, которую не могли сломать никакие цепи. Но самое страшное, самое прекрасное, самое пугающее – это были его глаза. Фиолетовые. Не те фиолетовые, что я видела у других эльфов – бледные, выцветшие, смиренные, смотрящие в пол. Его глаза горели. Темно-фиолетовые, почти черные, с золотыми искрами в глубине, они смотрели на толпу женщин, и в этом взгляде не было ни капли страха, ни капли покорности, ни капли надежды. Только ненависть. Чистая, концентрированная, вымороженная за сто лет рабства до состояния абсолютного нуля, ненависть, которая не ждет ничего, кроме смерти, и готова забрать с собой столько врагов, сколько успеет.

Когда его взгляд скользнул по залу, по этим холеным рукам, поднимающим таблички, по этим женщинам в дорогих платьях, которые пришли купить себе игрушку, я физически ощутила этот взгляд, как удар хлыста, как что-то ледяное и горячее одновременно, и когда он дошел до меня, когда наши глаза встретились, я забыла, как меня зовут.

Он смотрел на меня. Прямо в глаза. И в его взгляде не было ничего, кроме той же ненависти, что и для всех остальных, но мне показалось – хотя это, наверное, просто игра воображения, просто мое больное воображение, которое всегда ищет смысл там, где его нет, – мне показалось, что на секунду, на долю секунды, в этой фиолетовой бездне мелькнуло что-то еще. Я не знаю. Но в тот момент

я поняла: если я уйду отсюда без него, я буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, сколько бы ее ни осталось.

– Начальная цена – пятьсот золотых! – выкрикнул распорядитель.

Тишина. Зал молчал. Покупательницы переглядывались, перешептывались, качали головами. Пятьсот монет за раба, который убил троих хозяек? Пятьсот монет за дикого зверя, которого придется держать в цепях и все равно он однажды перегрызет тебе плотку? Кому это нужно? Слишком опасно. Слишком дорого. Слишком много проблем.

– Четыреста пятьдесят, – поправился распорядитель, чувствуя, что цена не идет. – Четыреста пятьдесят, госпожи, это же последний из рода, это же редкость, это же...

– Пятьсот, – сказала дама в лиловом справа от меня.

Я повернула голову. Она смотрела на эльфа на сцене, и в ее глазах горел тот самый огонь, который я видела у многих женщин в этом мире – огонь собственности, огонь охотницы, огонь той, кто уже представляет, как эта дикая кошка будет извиваться под ней, но не сдаваясь, и как она будет ломать его, пока не сломает окончательно.

Я представила его в ее руках. Представила, как она будет пытаться своей властью, своей магией, своим телом. Как будет высасывать из него силу, не давая ничего взамен. Как он будет ненавидеть каждую секунду, каждое прикосновение, каждый вздох, пока ненависть не сожрет его изнутри.

– Пятьсот пятьдесят, – сказала я.

Дама повернулась ко мне. Оглядела. Усмехнулась.

– Шестьсот, рыжая. Играть вздумала? Это тебе не ярмарочные безделушки покупать. Это зверь. Ты с ним не справишься. Взгляни на себя.

Я посмотрела на эльфа на сцене. Он смотрел как мы торгуемся за него, как делим его шкуру, не спросив его мнения. В его глазах не было ничего. Абсолютная пустота, которая страшнее любой ненависти.

– Тысяча, – сказала я.

Зал ахнул. Дама в лиловом поперхнулась. Распорядитель замер с открытым ртом, забыв, что нужно дышать. Даже стражники, державшие цепи, переглянулись и посмотрели на меня с новым интересом.

– Тысяча монет, – повторила я, потому что мой голос вдруг стал чужим, твердым и спокойным, хотя внутри у меня все дрожало, все кричало, все требовало заткнуться и убежать, пока не поздно. – За лот сорок девять.

– Леди... леди Лидия из дома Валлье предлагает тысячу золотых! – распорядитель наконец обрел дар речи и завопил так, что, наверное, в императорском дворце услышали. – Тысяча монет! Кто больше? Кто заявит больше?

Никто не заявил. Даже дама в лиловом, побелевшая от злости, сидела молча и сверлила меня взглядом, которым обычно сверлят тех, кому собираются перерезать горло темной ночью.

– Продано! – молоток ударил по дереву, и звук этот отозвался у меня в позвоночнике, прошел по всему телу, застрял где-то внизу живота тяжелым, пульсирующим теплом. – Лот сорок девять, эльф Иллирион, продан леди Лидии из дома Валлье!

Что я наделала? Тысяча золотых. Половина всего, что у меня было. Я только что потратила половину своих накоплений за три года на эльфа, который, судя по всему, убьет меня при первой же возможности.

Стражники повели его со сцены. Он проходил мимо моего кресла, и я чувствовала его приближение за несколько шагов – сначала просто вибрацию, потом напряжение, потом сам воздух как будто сгустился вокруг него, стал тяжелым, давящим.

Он остановился. Прямо напротив меня. Стражники дернули цепи, но он не сдвинулся с места, и они, видимо, решили не связываться, потому что кто знает, на что способен этот бешеный, даже в оковах.

Он наклонился. Очень медленно. Его лицо приближалось к моему,

и я видела каждую деталь – тонкие, красиво очерченные губы, сжатые в прямую линию, высокие скулы, длинные ресницы, отбрасывающие тени на щеки, и глаза, его фиолетовые глаза, в которых была только ненависть, такая плотная, такая осязаемая. Он наклонился к моему уху. Губы почти касались моей кожи. И он прошептал голосом, похожим на шелест сухой листвы.

– Ты совершила ошибку, женщина. Ты купила свою смерть.

Я должна была испугаться. Я должна была отшатнуться, закричать, позвать стражу. Вместо этого я подняла руку. Глядя ему прямо в глаза, я протянула пальцы и коснулась его ошейника. Железо обожгло подушечки, и сквозь магические блоки, сквозь сто лет ненависти и боли, я почувствовала его. Ток. Слабый, едва уловимый, но настоящий. Его магия откликнулась на мое прикосновение.

– Я покупаю не смерть, – сказала я тихо, так тихо, что только он мог слышать. – Я покупаю ключ к тайне, которую ты хранишь. И поверь, Иллирион, у меня хватит терпения, чтобы ее разгадать.

Он замер. В его глазах мелькнуло что-то, кроме ненависти. Растерянность? Удивление? Но между нами что-то происходило. Что-то, чему я не могла найти названия.

Потом стражники дернули цепи, чтобы подготовить его к передаче, и он ушел. А я осталась сидеть, чувствуя, как дрожат мои руки, как колотится сердце, как внизу живота разливается тепло, которое я не испытывала уже очень давно. С тех пор, как попала в этот мир. С тех пор, как умерла старая Лидия. Я смотрела, как уводят моего эльфа, моего дикого, опасного, прекрасного эльфа, и думала только об одном: что, черт возьми, я буду делать с ним дальше? Потому что одно дело – купить раба на аукционе. И совсем другое – жить с ним под одной крышей, зная, что каждую ночь он может войти в твою спальню и перерезать тебе горло. И почему от этой мысли у меня перехватывает дыхание и становится жарко?

А потом случилось еще что-то непонятное. Ко мне подвели другого эльфа – необыкновенно красивого, с стройным, но сильным телом, с золотыми локонами ниже плеч.